

Московские новости ТЕАТР 1992 - ЮННА (1992) - с. 23

В СИТУАЦИИ РЫНКА И РАЗВОДА

оказались многие московские театры

В театр сегодня спешишь не на премьеры, а на пресс-конференции, которые по количеству грязи, выливаемой сценическими деятелями на головы собратьев, уступают только писательским собраниям. Зато следя за происходящим затаив дыхание. Выходит, например, к микрофону критик и говорит труппе в лицо: ваш театр умирает. Актеры вскакивают с мест, бегут к оратору, кто-то глотает валидол, кто-то машет кулаками. Критик вскидывает голову в плечи: пять минут назад в этом же зале один знаменитый артист сказал про другого: я ему при всех в лицо плюнул, а он хоть бы хны, даже на дуэль не вызвал. Вот такие страсти в бывшей эфросовской труппе, навсегда осиротевшей, оглушенной болью потери, как будто она случилась вчера, и мучительно текущей в венах в этой своей беде. Как когда-то искал их и Мастер после неудачной «Дороги», начавшегося разлада в коллективе и собственного творческого кризиса. И тоже, случалось, находивший вневидных в тех, кто рядом, кто на самом деле ближе и дорожее всех остальных.

Бывшие театры-легенды не просто распадаются на глазах — идет такий бракоразводный процесс, с громкими обвинениями и подкасовкой фактов, с истерией и надрывом, широко тиражированными прессой. Наблюдать за всем этим больно и нелепо, как будто смотришь по телевизору репортаж из чужой спальни.

«Он вообще не мой ученик, а ученик Сергея Герасимова», — объявляет Юрий Любимов Николаю Губенко. «Я, между прочим, в партии только четыре года, а Любимов — тридцать», — парирует тот. И добавляет: «Хозяин театра не Любимов, а труппа, город, страна, государство». И еще зачем-то: «Я никогда не предаю своего учителя, свою родину, свой народ». Не умеет мы мыслить простыми категориями, привычки к масштабу и обобщениям. Хотя думать: а может быть, и впрямь стране — Россия или даже мифическому СНГ — есть дело до того, что в Театре на Таганке на спектакле памяти Высоцкого его учитель гонит со сцены его друга? И

страну ликорадит как раз от этого, а не от повышения цен на топливо?

На той пресс-конференции и задала бывшему министру культуры только один вопрос: что станет с театром, если Любимов опять уедет, если не будет в нем Любимова? После паузы — трудно это выговорить любому артисту Таганки, да еще премьеру — Губенко ответил: «Это будет другой театр, но он будет». В общем, незаменимых нет. Хотя в театре на них, незаменимых, держится все — такая уж странная это материя. Рассказывают, что после закрытия Камерного театра великая Алиса Коонен пропала дом на Тверском, ставший Театром им. Пушкина, проклятие это напоминает о себе до сих пор в этих стенах. Не кем заменить артиста Губенко в «Борисе Годунове». И не будет Театра на Таганке без Любимова. Другие, новые театры — это прежде всего новые художественные лидеры, новые имена, а если их нет, то нет и театров. Декретами и энтузиазмом их не возродить.

Меж тем лидеры, способные организовать творческий процесс и направить его в единственно верное русло, отнюдь не дамы, приятные во всех отношениях. В начале восьмидесятых расстроенный Эфрос назвал свою труппу «расстроенной балалайкой». Актеры помнят это по сей день. Кама Гинкас, которого позовали в эту труппу много позже, захотел расстаться с восемнадцатилетью артистками — цыфру эту тоже никто не забыл. Худсовет тогда единогласно Гинкасу отказал. После того как Юрий Любимов сформулировал: «Мне принадлежит право нанимать и увольнять актеров, заключать контракты с ними», — часть артистов бросилась к Губенко: «Спасай, Коля». Ах этот театральный контракт! Недавнее обсуждение его проекта на секретариате СТД России опять показало, что мы упрямо хотим вырастить некий экзотический фрукт, скрестив собес и рынок. Не получилось строительство социализма, будем строить капитализм, но опять с человеческим лицом. Что за дело, если лица самых строителей при этом искажены злобой и ненавистью.

Какой рынок, когда так мучительно трудно, почти невозможно, изменить собственное сознание. Причем даже молодым людям, пришедшим к власти на демократической волне. Новый глава администрации Калуги, например, уволил главного режиссера своего театра и назначил на его место бывшего чиновника, без обиняков сказав председателю конфликтной комиссии СТД России: «Если нам будет вадно, мы вообще упраздим институт главных режиссеров». Счастье, что прежние руководители были глупее: им-то уж как было нужно, чтобы знаменитые режиссеры не расстали на своих спектаклях диссидентов, но на сам институт они не полагали, так, травля художников олодинок. Красноречиво и заявление Губенко о том, что сегодня между одной частью труппы Театра на Таганке и другой стоит стена в двадцать пять долларов суточных, полагающихся тем, кто репетирует с Любимовым «Электру» и потом поедет со спектаклем в Грецию. Для советского человека искусство и деньги — что-то прямо противоположное. А между тем настоящее искусство, будь то спектакли Любимова, Додина или фильмы Сокурова, Муратовой, оказывается вполне конкурентоспособным на мировом

рынке и действительно оплачивается в конвертируемой валюте. Работайте так, как они, и мы наверняка разбогатеете.

Не спросишь чего-либо соглашаясь, театр повернул от необходимости к радости. Спектакли «Современника», Таганки были нужны своей правдой. Теперь правды хоть отбавляй, срываются даже те покровы, которые в приличном обществе срывать не принято (чего стоит по своей беспардонности, к примеру, один только репортаж в «Коммерсанте» о поездке заключенного глумления Павлова на кладбище, на похороны своей матери). Налицо острый дефицит положительных эмоций, красоты, смеха. И зритель делает выбор — атакует театр «Школа современной пьесы», где идет вовсе не современная пьеса, а опера и балет Сергея Никитина и Дмитрия Сухарева для драматических артистов по «Предложению» Антона Чехова. Пусть музыка и текст, мягко говоря, неприглядны, почтенную публику развлекают звезды столичной сцены Любовь Полищук, Альберт Филозов и Алексей Петренко. Зритель покупает дешевый билет на «Служанку» Романа Виктюка, чтобы хоть два часа подышать Парижем, Фли-Бержером. Такой театр имеет спрос и успех прежде всего потому, что там работают профессионалы. С начала и до конца выдержан уровень, при котором вопросы — зачем, почему это нужно — отменяются самым лицедейским азартом и мистериством.

...Как бы артист ни боролся с режиссером, он лучше всех знает ему истинную цену. На улице, в комнате артистом может овладеть стадное чувство, на сцене — будь то репетиция или спектакль — никогда. Там он личность, творец, там он уже совершил тот переход, который с трудом одолевает ныне полное общество, — переход от массы, безликой общности к индивидуальности, неповторимой и абсолютно самодельной человеческой особи. Именно поэтому из уст уволненной Любимовым артистки Елены Габец на пресс-конференции вдруг вырвалось по-детски беззастенчивое признание: да позавя он нас, мы все к нему вернемся. А на Малой Бронной так радуются сейчас работе Сергея Женовача — режиссера, отнюдь не сулящего театру скорый успех и к тому же пришедшего сюда с целой командой собственных исполнителей. Но артисты жаждут работы и помнят о том, как на репетиции вынуждены были объявить своему бывшему главному, Владимиру Портнову, что к постановке «Короля Лира» он не готов. Вот только сам Женовач наотрез отказался быть здесь главным. Пока что он еще один очередной.

Нын театр любит именовать и домом, и храмом, вкладывая в поэстические переживания и разрушая о том, что в принципе так же невозможно отменить, как последовательность времен года. Не лучше ли сделать так, чтобы он был — нет, не храмом, а хотя бы просто местом, где работают интеллигентные люди, любящие свое дело и знающие в нем толк. Где они вымывают спектакли, а не вылизывают отношения.

А год у Захарова, Ефремова, Хейфеда год уже нет своей премьеры, у Любимова и того больше, про Анастасию Васильеву даже не говорю. На одних же легендах театру не прожить.

Нина АТИШЕВА